

из более раннего по черновикам «я поручу»), но не по признаку разговорности, а как относительно редкий у Пушкина пример социальной, профессиональной речевой характеристики.

Подчеркивание просторечности, разговорности в изображении Евгения явно не входило в задачи Пушкина. Более того, в процессе работы над текстом разговорный элемент ослабляется в «теме Евгения»; так, *измазанный* картуз был заменен *изношенным*, исчезли подробности портрета Евгения (рябоватый, смугловатый), в его размышлениях устранены «что завтра слякоть», «дочка и сынок». Приспосабливая к описанию Евгения ранее написанный текст «Езерского», Пушкин уже с самого начала оставляет без внимания слова «как видно, малый был делец», явно неохотно сохранил он уже упоминавшееся «куда легка»: в черновике оставался пропуск, затем вписано «куда», которое тут же вычеркнуто и восстановлено уже в беловой рукописи; см. также работу над строками: «Светелка ...садик, Щей горшок/Да сам большошй», где «Светелка, садик» заменились словами «Кровать, два стула», а через два года, когда Пушкин решительно изменил и сократил весь отрывок, эти строки вообще исчезли. Исследователи справедливо замечают, что тем самым снята чрезмерная приземленность мечтаний героя (как, очевидно, замена «местечко выпрошу» на «местечко получу»), но правка эта поучительна и в плане чисто стилистическом: см., например, это выражение, явно полемически употребленное в «Путешествии Онегина» (см. еще *Я сам большошй*, также полемическое, в «Родословной моего героя»).

С другой стороны, безусловно неверно, что разговорный элемент в «Медном всаднике» ограничен «темой Евгения». Он обычен для всей повествовательной части поэмы: см., например, *металась* как больной, *буйная дурь*, стало ей *невмочь*, *теснился* кучами, *остервенясь*, *с разбега*, *пожитки*, *где будет взять? шайка*, *крушит и грабит*, *тела валяются*, *ни былинки*, *выместить*, *пуще*, оборот *что сброшено*, *что снесено* и другие подобные. Но и здесь, разумеется, нет выхода за пределы литературной нормы, как она установилась к этому времени в творчестве Пушкина и многих его современников. Как это отмечалось для «темы Евгения», и здесь можно заметить, что в первоначальных редакциях разговорно-просторечный элемент был значительней. Отчасти его сокращение в поэме связано с исключением некоторых кусков текста, что, кстати говоря, имело не только чисто содержательный, но и стилистический смысл; таков, например, анекдотического происхождения комический эпизод с сенатором и генералом в лодке, резко контрастировавший всему тону повествования (см. здесь *с ума свихнул*, *гиль*, *дрянь*); но иногда это обнаруживается и в сохранившихся фрагментах текста. Так, до последней беловой редакции сохранялось в описании наводнения *рухлядь*, впоследствии устраненное, еще раньше устранено «*весь быт смиренной нищеты*», сняты слова «и страх и смех»; царь первоначально говорил, что «с божией стихией/Царям не *сладит*» (или не *справиться*) и лишь затем не *совладет*; вместо «помчались генералы» стало более нейтральное «в опасный путь... пустились» и некоторые другие.

Таким образом, повествование в поэме достаточно свободно и органично включает в себя разговорный элемент, как это стало обычным в поэтической практике Пушкина, и в то же время нет никаких оснований говорить о какой-то нарочитой концентрации этого элемента или о его характерологичности. Ощущение простоты, естественности, органичности повествования в «Медном всаднике» создается не мнимой гипертрофией разговорно-просторечных средств, а, очевидно, последовательно проведенным принципом прямого и простого называния предметов и явлений. Разумеется, самый отбор бытовых, непоэтических, реалий не характеризует еще язык произведения, но то, что они названы своими прямыми наименованиями, без всяких попыток поэтизировать их при помощи поэтических синонимов или перифраз, создает и собственно языковую характеристику текста.